

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 400–408

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 400–408

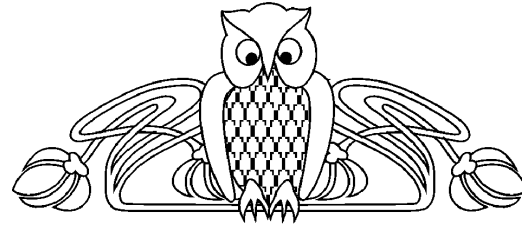
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-400-408>

Научная статья

УДК [94+355](470.316)|1921/1922|

Участие Красной Армии в борьбе с голодом 1921–1922 гг. (на примере формирований РККА в Ярославской губернии)

А. Н. Ионов

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Большая Октябрьская, д. 67А

Ионов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), yaralek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7791-7800>, Author ID: 45192530

Аннотация. В статье на основе архивных источников и публикаций местной печати рассматривается вопрос вовлечения формирований Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в борьбу с голодом 1921–1922 гг. Изучены основные направления помощи, оказанной военными частями, учреждениями и заведениями Ярославской губернии. Рассмотрены организационные аспекты деятельности Комиссии помощи голодающим при Ярославском губернском комиссариате по военным делам. Сделаны выводы о характере вклада красноармейцев в борьбу с голодом.

Ключевые слова: голод в Поволжье, Красная армия, Военпомгол, 1921–1922 гг., Ярославская губерния

Для цитирования: Ионов А. Н. Участие Красной Армии в борьбе с голодом 1921–1922 гг. (на примере формирований РККА в Ярославской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 400–408. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-400-408>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The activities of the Red Army to combat the famine of 1921–1922 (on the example of military units located in the Yaroslavl province)

A. N. Ionov

Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, 67A Bolshaya Oktyabrskaya St., Yaroslavl 150000, Russia

Alexey N. Ionov, yaralek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7791-7800>, Author ID: 45192530

Abstract. The scientific article, based on archival sources and publications of the local press, examines the activities of the Red Army to combat the famine of 1921–1922. The main directions of activity of military units of the Yaroslavl province are studied. The organizational aspects of the activities of the Commission for Famine Relief under the Yaroslavl Provincial Commissariat for Military Affairs are considered. Conclusions are drawn about the participation of the Red Army in the fight against the consequences of hunger.

Keywords: famine in the Volga region, Red Army, Military Pomgol, 1921–1922, Yaroslavl province

For citation: Ionov A. N. The activities of the Red Army to combat the famine of 1921–1922 (on the example of military units located in the Yaroslavl province). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 400–408 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-400-408>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Голод 1921–1922 гг., охвативший ряд регионов Поволжья, южной и центральной России, является одним из наиболее трагичных событий отечественной истории. Политика тотального изъятия продуктов, непростые погодные условия, а также последствия Гражданской войны привели к катастрофе, масштаб людских потерь которой уточняется до сих пор. По разным подсчетам в результате голода погибли от 5 до 10,8 млн чел., бедствием были охваче-

ны 35 губерний с населением в 90 млн чел. [1, с. 11, 26]. Вместе с тем события 1921–1922 гг. стали важнейшим этапом в развитии аграрной политики большевиков, подтвердив ключевые положения нэпа.

К настоящему времени накоплен значительный корпус исследовательской литературы, посвященной голоду 1921–1922 гг. Подробно изучены его общероссийские и региональные аспекты [2, с. 51–66; 3, с. 128–133]. Ряд работ

посвящен причинам и последствиям катастрофы, политике властей и иностранных организаций по оказанию помощи голодающим, процессу эвакуации людей из голодных регионов, кампании по изъятию церковных ценностей [4, с. 12–21; 5, с. 87–91; 6, с. 137–142; 7, с. 28–32]. Заслуживает внимания взгляд на проблему голода, который представлен в работах, посвященных практикам выживания населения Поволжья в 1921–1922 гг. [8, с. 216–218; 9, с. 248–254].

В то же время отдельные аспекты продовольственной катастрофы 1921–1922 гг. по-прежнему недостаточно раскрыты либо требуют существенных дополнений. Одним из направлений, интересующих исследователей, является проблематика оказания помощи голодающим отдельными категориями советского общества, конкретными организациями, а также социальными институтами (местное управление, кооперация, армия и т. д.). В данной статье предпринята попытка проанализировать участие формирований РККА в борьбе с голодом 1921–1922 гг. На основе архивных источников, публикаций местной печати рассматриваются направления помощи голодающим со стороны воинских частей, военных учреждений и заведений, расположенных на территории Ярославской губернии.

Основная часть информации о помощи военных содержится в фондах Р-1842 «Ярославский губвоенкомат» и Р-1431 «Ярославский губисполком». Государственного архива Ярославской области. Данные фонда Р-1842, касающиеся деятельности Комиссии помощи голодающим при Яргубвоенкомате (Военпомгол), крайне фрагментарны: сохранилось лишь несколько протоколов ее заседаний, ряд подписных листов по сбору денежных средств голодающим, а также некоторые приказы и телеграммы Штаба Московского военного округа (МВО) и Революционный Военный Совет Республики (РВСР). Фонд Р-1431 содержит документы, касающиеся деятельности губернской и ряда уездных и волостных комиссий помощи голодающим. Довольно скромную информацию архивных источников существенно дополняют материалы местной газеты «Творческие дни» (до 1921 г. – «Известия Яргубисполкома», с 1922 г. – «Северный рабочий») – печатного органа Ярославского губернского исполнительного комитета и Ярославского губернского комитета Российской коммунистической партии. Заметки репортеров газеты, военкоров, отклики с мест рисуют весьма разноплановую картину помощи голодающим. Причем это не только официоз и пропаганда, заметки достаточно остры, пропитаны критикой в адрес «недобросовестных друзей» голодающих. Критическая линия в газете проходит через большую часть публикаций 1921–1922 гг., отражая не только конкретные шаги местных органов в вопросах организации помгола, но и характерные этапы политики центральной власти.

Оказание помощи пострадавшим от голода 1921–1922 гг. жителями Ярославской губернии – один из слабо изученных аспектов местной истории. Единственной работой, посвященной данному вопросу, является статья С. П. Шевякова, вышедшая в сборнике научных работ студентов Ярославского государственного педагогического института (ЯГПИ) еще в 1958 г. [10, с. 21–43]. Кроме нее данный сюжет затрагивался вскользь в ряде работ, посвященных истории края, а также истории местной организации КПСС [11, с. 93–94; 12, с. 206–207; 13, с. 298–299].

Переходя к детальному рассмотрению предмета статьи, кратко обозначим военные, социально-экономические и политические реалии Ярославской губернии в 1921–1922 гг.

В годы Гражданской войны ярославские земли являлись тылом РККА, обеспечившим формирование ряда воинских частей: 61-й Рыбинский стрелковый полк, 1-й легкий артиллерийский парк (7-я стрелковая дивизия), 47-й Ярославский отдельный полк обороны железных дорог, некоторые части 1-й стрелковой дивизии. Из Ярославской губернии в армию было призвано около 80 000 чел. В Ярославле в 1918–1919 гг. располагался штаб Северного фронта, также некоторое время город являлся центром военного округа (март-июнь 1918 г., март-декабрь 1919 г.).

В 1921 г. на территории губернии находились части 6-й стрелковой дивизии ВНУС (войска внутренней службы), преобразованной в конце марта в 53-ю стрелковую дивизию второго формирования. Однако уже в июле 1921 г. последняя была слита с 18-й стрелковой дивизией, прибывшей с фронтов Гражданской войны. Части 18-й стрелковой дивизии в течение 1921–1922 гг. были дислоцированы в пределах Ярославской и Костромской губерний, в частности: 52-й стрелковый полк (бывшие 157-й и 158-й полки) – в Ярославле, 53-й стрелковый полк – в Костроме (159-й и 160-й полки), 54-й стрелковый полк (155-й и 156-й полки) – в Ростове. Прочие формирования ВНУС, находившиеся в губернии (в частности, 319-й стрелковый полк), в соответствии с приказом РВСР от 4 марта 1921 г. № 517/20 были постепенно переданы в распоряжение военного ведомства либо ВЧК. В регионе располагались формирования, подведомственные местному комиссариату по военным делам: Округной артиллерийский склад, Ярославский главный инженерный склад, Управление военно-продовольственного снабжения (Упродгуб), Военный госпиталь, Изоляционно-карантинный пункт (Изокарпункт), Конвойная команда и др. Военному ведомству подчинялись Курсы всеобщего военного обучения (Всевобуч) и Курсы спорта.

Говоря о социально-экономических и политических реалиях Ярославского региона, отметим весьма скромные размеры губернии в 1921–1922 гг. (площадь 14 043 кв. верст, население –

около 650 980 чел.), являвшейся едва ли не самой маленькой в стране [14]. Причиной подобной миниатюрности было исключение из ее состава в 1921 г. 5 уездов и крупного промышленного центра Рыбинска (стал центром одноименной губернии). Утрата наиболее развитых (1/3 промышленности), богатых сырьем (топливо) территорий усложнила и без того непростое экономическое положение Ярославля.

Причины экономических затруднений крылись не только в административных коллизиях. В июле 1918 г. Ярославль пережил белогвардейский мятеж, в ходе которого была разрушена значительная часть города, а общий материальный ущерб составил порядка 124 млн 159 тыс. золотых рублей (выгорела примерно 1/3 часть города, уничтожено 2147 строений из 7688 и большая часть предприятий, 40 тыс. жителей остались без крова) [12, с. 178; 15]. Следствием июльской катастрофы стал острый жилищный кризис и де-урбанизация. Это же время было отмечено крайне неблагоприятной эпидемиологической обстановкой – в 1918–1922 гг. население Ярославля испытало несколько волн острозаразных заболеваний (сыпной и возвратный тиф, испанка, холера).

Серьезным ударом по экономическому потенциалу стало зеленое движение, охватившее наиболее зажиточные части Ярославской губернии. На протяжении 1919–1920 гг. в отдельных уездах шли широкомасштабные боевые действия с использованием многочисленного вооружения (повстанцы имели свою артиллерию). В эту войну оказалась вовлечена значительная часть экономически активного населения. Кровавое подавление восстаний сопровождалось массовым террором против крестьян (погибли более 1630 крестьян, свыше 300 чел. были расстреляны [16, с. 101–134]), перегибами в продразверстке, разорением наиболее эффективных хозяйств региона.

Нельзя не отметить и тот факт, что Ярославская губерния являлась дефицитной в продовольственном отношении – местное производство зерна не покрывало ее потребности. Традиционными агрокультурами здесь были лен и картофель (в основном, выращивался для производства крахмала и патоки), которые местное население выменивало на привозимый мешочниками хлеб.

Тяжелое положение населения, отмечавшееся в сводках местной ЧК, характеризуется острым дефицитом продовольственных товаров: «Ухудшение продовольственного положения в губернии может повлечь дальнейшие беспорядки...» [13, с. 297]. Минимальное количество товаров быта распределялось в весьма ограниченных количествах.

Положение в местных частях РККА было также крайне тяжелым. Основная часть красноармейского состава недоедала, имела катастро-

фическую проблему с обмундированием и санитарией. Например, для полного удовлетворения списочного состава частям Яргубвоенкомата не доставало 10 306 шинелей, 5 563 гимнастеров, 3 993 шаровар, 9 890 пар обуви [17, л. 116]. В силу сложной продовольственной обстановки 6 февраля 1921 г. был установлен новый уровень снабжения хлебом из расхода: «Войсковым частям – один фунт в день, военнослужащим – полфунта, переменному преподавательскому составу курсов Гувуза [Главное управление военно-учебных заведений] – полтора фунта, лечебным заведениям по прежним нормам» [17, л. 152]. Оголодавшие красноармейцы ярославского гарнизона промышляли расхищением урожая с крестьянских и кооперативных огородов, находившихся на окраинах города [18]. По линии Яргубчека в Москву регулярно отправлялась тревожная информация о положении в армии: «Состояние воинских частей... менее чем удовлетворительное. Причины общие – недостаток продовольствия и обмундирования... в некоторых частях даже не хватает лаптей» [19, л. 76 об.].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что к началу продовольственной катастрофы в Поволжье состояние одного из потенциальных экономических доноров было весьма непростым, что в конечном счете определило характер и объем вклада ярославцев в борьбу с голодом.

Новости о непростом продовольственном положении в Нижнем и Среднем Поволжье начали поступать в Ярославль вместе с многочисленными мешочниками и беженцами, наводнившими город. Первая официальная оценка ситуации была дана в газетной публикации от 6 июля 1921 г. [20]. В ней на фоне официозных данных о «лучшем, нежели в 1920 г., урожае», упоминались «проблемы», возникшие на юго-востоке страны, а также призыв Максима Горького организовать особый комитет помощи голодающим. Спустя неделю отмечалась уже более тревожная обстановка: «Массовый голод населения, убой скота, нехватка семенного фонда» [21]. К этому же времени относится и один из первых примеров ярославской помощи – работники водного транспорта Ярославского участка обязались отчислить голодающим товарищам полумесячный оклад. К водникам присоединились рабочие лакокрасочного завода № 2, решившие пожертвовать из выданного авансом натурфонда краски по 1 фунту с рабочего. В дальнейшем помощь голодающим была оказана большинством предприятий и организаций Ярославской губернии.

Важным организационным шагом стало создание 9 августа 1921 г. в соответствии с постановлением пленума Губернского исполкома Ярославской губернской комиссии помощи голодающим (Яргубпомгол, Губпомгол), а также уездных помголов. Помимо ответственных партийных и советских работников, в их состав вошли лица,

«пользующиеся широкой известностью и доверием населения». Почетным председателем Губпомгола был избран бывший народоволец Н. А. Морозов [22]. Практически одновременно с Губпомголом, в соответствии с приказами командующего войсками МВО Н. И. Муралова № 9611, 10041, 9611 была создана Комиссия помощи голодающим при Ярославском губернском комиссариате по военным делам (Яргубвоенпомгол, Военпомгол), а также комиссии при уездных военных комиссариатах [23, л. 1–3 об.].

Телеграфное сообщение № 2293/3658, полученное 5 августа 1921 г. от командующего войсками МВО, конкретизировало основные положения организационной части военпомголов. Был обозначен круг лиц, входивших в состав комиссий, губернский или уездный военком (начальник гарнизона) – в качестве председателя, а также члены: местный Начупродгуб (начальник Губернского управления военно-продовольственного снабжения) или его представитель, представитель Губполитпросвета и «прочие кооптированные в силу необходимости лица». В составе Яргубвоенпомгола был создан ряд подкомиссий: агитационной, детской, по организации вечеров и выставок и др. Однако из-за недостатка людей к фактической работе они не приступили.

Военпомголу вменялось координировать работу всех военных учреждений и заведений губернии, за исключением линейных стрелковых дивизий и отдельных стрелковых бригад. Уездные военные помголы должны своевременно предоставлять сведения о ходе работ в Яргубвоенпомгол, последний же, в свою очередь, – в Московскую военно-окружную комиссию помощи голодающим (располагалась в Москве при Штабе МВО по адресу: ул. Кропоткина, д. 7, кв. 14). В вопросах отчетности предписывалось следовать четкому распорядку, сообщать «сколько денег и продуктов собрано каждой отдельной частью, с указанием перемещений сборов». Денежные средства вносились на особый текущий счет Центральной комиссии ВЦИК, собранные же продукты должны были свозиться на специальные склады местного Губпомгола (находились в расположении 18-й стрелковой дивизии). Обязательные сведения о работе Военпомгола по состоянию на 1 и 15 число каждого месяца должны были своевременно в виде сводки передаваться в Москву. Отдельным пунктом телеграфного сообщения обозначалась необходимость полного и широкого содействия создаваемым Военпомголам и его представителям всеми военными учреждениями, находящимися в губернии.

Работа военного ведомства по оказанию помощи голодающим протекала по трем направлениям: 1) сбор продуктов, денежной и материальной помощи; 2) помощь детям, эвакуированным

из регионов, охваченных голодом; 3) агитационная работа.

Первые сведения о сборе средств военными относятся к 28 июля 1921 г., когда на одном из собраний служащие и рабочие 5-го главного военно-хозяйственного склада постановили отчислить в пользу голодающих полученный оклад содержания, а также продукты за 3 отработанных субботника [24]. Было решено пустить подписной лист для добровольного пожертвования, а члены огородной коммуны взяли обязательство отчислить по 20 фунтов картофеля из своего урожая.

Спустя неделю на первой полосе газеты «Творческие дни» был опубликован призыв к рабочим и красноармейцам Ярославля о «всемерной помощи братьям – рабочим и крестьянам Понизовья», знаменовавший начало массового вовлечения в кампанию военнослужащих. А к 7 августа ряд частей 18-й стрелковой дивизии принял постановления об отчислении в пользу голодающих однодневных, двухдневных, пятидневных красноармейских пайков. На митингах, происходивших по этому поводу, отмечалось: «Как ни тяжело положение красноармейцев, но нужно и необходимо оказать посильную помощь голодающему трудящемуся люду Нижнего Поволжья», и далее: «Но пусть этот дар не от излишков, а от красноармейского фронтового пайка будет свидетелем несокрушимого союза трудящихся и братской солидарности», «Пусть отчисление красноармейских пайков послужит примером для всех честных граждан республики» [25].

Отчисление денежных средств либо части продуктовых пайков стало наиболее распространенной формой помощи красноармейцев. Сохранились сведения о промежуточных результатах пожертвований. Так, по состоянию на 1 октября 1921 г. военными было собрано 11 920 327 руб., а также продуктами: хлеба – 123 пуда 2 1/4 фунта; картофеля – 58 пудов 1 фунт 75 зол.; ржи – 46 пудов 35 фунтов; муки – 13 пудов 13 1/2 фунтов; воблы – 4 пуда 27 фунтов 25 зол.; крупы – 2 пуда 2 фунта 48 зол.; соли – 1 пуд 14 фунтов 69 зол.; сахара – 1 пуд 13 фунтов 32 зол.; масла – 17 фунтов 15 зол.; сухих овощей – 9 фунтов 12 зол.; сушеных яблок – 1 фунт 61 зол. [23, л. 109–110 об.]. Кроме того, для помощи нуждающимся было сдано: 170 аршин мануфактуры, 5 шт. часов, 2 золотых и 1 серебряное кольцо (были получены из военного госпиталя как неостребованные). При этом общице сборы Яргубпомгола на эту же дату составили 161 489 225 руб., а также 621 903 пудов картофеля, 18 335 пудов овощей, «сотни пудов хлеба, отправленных в Марийскую область, Татарскую республику, Вятскую, Царицынскую губернии» [10, с. 29]. Исходя из приведенной денежной суммы, доля финансового вклада военного ведомства составила порядка 7%. Распределение

сборов по отдельным подразделениям Яргубвоенкомата, а также средства, собранные военными агитаторами, представлены в таблице.

Денежные сборы подразделений Яргубвоенкомата в августе-октябре 1921 г., руб

№	Часть, предприятие, лицо	Сумма, руб.
1.	Ярославский уездвоенкомат	122 385
2.	Ростовский уездвоенкомат	3 092 750
3.	Тутаевский уездвоенкомат	184 595
4.	Даниловский уездвоенкомат	455 015
5.	Ярославский главный инженерный склад	145 000
6.	Артиллерийский склад	150 000
7.	Военный госпиталь	3 315 802
8.	Изоляционно-карантинный пункт	1 096 936
9.	Продтранспорти	94 957
10.	Курсы Всевобуча	220 000
11.	Курсы спорта	465 260
12.	Чихачев (Норская фабрика)	2 360 627
13.	Косяков (Давыдовская волость)	200 000
14.	Виндерз (Боровская волость)	17 000
	Итого	11920 327

Составлена и рассчитана по: [23, л. 109–110 об.].

Еще одним способом оказания помощи военными стала организация митингов и увеселительных мероприятий (зачастую они проводились вместе) со сбором в пользу голодающих. Подобные «акции» проводились как в отдельных красноармейских частях, подразделениях, так и совместно с учреждениями городского управления.

В качестве иллюстрации можно привести концерт-вечер с танцами, состоявшийся 12 сентября 1921 г. при Окружной военно-продовольственной базе МВО (сбор 673 150 руб.), а также проведенные в августе – сентябре концерты при Ярославском военном госпитале (сбор с двух концертов – 643 480 руб.) и два спектакля при Ростовском уездвоенкомате (сбор 465 000 руб.) [23, л. 60, 68, 76] и т. д. Более масштабным мероприятием стал ярославский «митинг – концерт – танцы», намеченный на ночь с 15 на 16 августа 1921 г. в зале гарнизонного клуба им. Нахимсона (бывш. Коммерческое училище). К его организации подошли весьма основательно, создав для этого специальную комиссию из сотрудников Яргубвоенкомата, на заседаниях которой был определен порядок проведения мероприятия. В программу вошли танцы до 2-х ч. ночи, выступление ведущих артистов города, исполнение духовой музыки оркестром 7-го батальона Губчека, американская лотерея с призами (шелк, одеколон, цветы и т. п.), а также «летучая почта

Амура». На «закуску» посетителям анонсировался «обильный буфет под наблюдением тов. Саркисова», с «чистым сбором» в пользу голодающих.

Следствием подобных митингов с танцами стали не только денежные поступления, но и развернувшаяся в местной прессе полемика по поводу нравственной составляющей подобной благотворительности. Так, в заметке «Голод и «бутерброды», вышедшей в конце августа 1921 г., была затронута уместность сочетания «буфета с мясными пирожками, сыром, маслом, сахаром и т. п. яствами» и «сбора денег для голодающих» [26]. По мнению журналистов, подобная практика шла вразрез с повесткой дня, а также прививала населению «нежелательные психологические навыки», сознательно или бессознательно разрушающие государственный аппарат». Отмечалось, что «получается нелепая картина, для того, чтобы дать самарцу тысячу другую бумажных рублей, мы безжалостно расходим уже из собранного Республикой десятки пудов продуктов питания. Вечер «в пользу голодающих», а в буфете уничтожаются горы хлеба, сыра и колбасы!». В конце заметки был вынесен суровый вердикт: «Не буфеты с пирожками, и не лотереи-аллегри нужны нам, а сознательное отношение к бедствию, постигшему страну, и к участию голодных», а «буфеты необходимо уничтожить!» [26].

Позднее, под напором общественной критики, местный Губисполком выпустил рекомендацию не организовывать кабаре и бал-маскарады во время сбора средств голодающим [27, л. 62]. Однако вопреки этим запретам «танцульки до глубокой ночи» продолжали процветать в том числе и в частях военного ведомства. В очередной заметке отмечалось: «На одной из центральных улиц нашего города есть изоляционный пункт, где мобилизованные красноармейцы выдерживают двухнедельный карантин... С темнотой в пункте воцаряется веселье. Регулярные концерты в пользу голодающих Поволжья, кончающиеся неизбежной оживленной танцулькой. Танцуют яростно с увлечением, не смущаясь ни временным гашением электричества, ни предрассветным туманом...» [28].

Важным направлением деятельности Военпомгола была помощь эвакуированным детям. По плану в Ярославскую губернию было решено направить 2000 детей из голодающих мест. Подкомиссией Яргубпомгола были организованы 2 приемника-распределителя: на 300 детей школьного возраста и на 100 дошкольного. Крупнейший детский приемник, расположившийся на территории бывшего кадетского корпуса, работал под патронатом РККА. Военными был организован детский дом «Забота красноармейца» [29].

Созданным пунктам приема и содержания оказалось непросто справиться с массой эваку-

ируемых детей. К 10 октября 1921 г. из голодающих мест в Ярославскую губернию прибыло 472 чел., ожидалось прибытие 500 детей из Чувашии, а также 1000 детей ярославцев, эвакуируемых из Самарской и Саратовской губерний. В начале 1922 г. приемник в бывшем кадетском корпусе пополнился партиями детей из Башкирии и Поволжья. Свидетели отмечали сложность этой эвакуации (путь от Бузулука до Ярославля составил 27 суток), а также крайне тяжелое состояние детей: из 601 ребенка 137 умерло в дороге, а оставшиеся в живых были крайне истощены, не имели ни одежды, ни обуви [30, 31]. Общее количество размещенных в Ярославской губернии детей к январю 1922 г. составило порядка 1400 чел.

В одном из номеров «Творческих дней» давалось описание приемника, курируемого военными: «Прибывающие дети с самого начала подвергаются врачебному осмотру (подозрительные и больные дети изолируются в особую комнату-палату). После врачебного осмотра дети стригутся и направляются в ванное помещение, в котором рядами расставлены эмалированные ванны, в которых дети моются, затем одевают чистое белье, а принесенная рухлядь, относится в дезинфекционную камеру. После ванны дети размещаются по палатам, где занимают каждый отдельную кроватку, снабженную чистым бельем и шерстяным одеялом. Поправляющиеся дети снабжаются бельем, одеждой и обувью» [32]. В то же время отмечалась непростая ситуация с питанием: «Приходится с первых же дней им давать грубую пищу, за недостатком молока, яиц, пшеничной муки и сахара. Правда, врач еще ухитряется назначать кое-какую легкую пищу, но это недостаточно; тут необходимы именно: молоко, белый хлеб, яйца и сахар, к снабжению которыми необходимы самые экстренные меры и во что-бы ни стало не в мизерном, а в более достаточном количестве. Прежде чем раздать такие продукты по организациям, надо в первую очередь снабдить истощенных голодом детей» [32].

Примечательно, что отдельные представители ярославской общественности предлагали пойти дальше традиционной детской опеки. Так, журналист В. Степанов признал возможной смычку детского труда и нужд Красной Армии (заметка «Детский дом – источник помощи красноармейцу») [33], предложив привлечь обитателей детдома «Забота Красноармейца» к ремонту обуви и даже пошиву новых сапог и ботинок. Девочкам, снабженным иглами и обученным шитью, было предложено принимать в ремонт белье, шинели, гимнастерки и т. д. Кроме того, дети могли бы заняться изготовлением «всякого рода венков, цветов и т. п. “бумажных изделий”». Тот факт, что подобная работа еще не была организована, сводился к “пассивности военных”. В своих чаяньях Степанов пошел дальше,

рассуждая на тему коммерциализации детского труда. Он указал на бесплатный характер детской работы и предложил военкооперативам воспользоваться данным фактом, получая скидки в 30–60% ниже рыночной цены. При этом официальным «дилером» детдома должен был выступить Военпомгол (ему полагалось заключать контракты). Сведений о том, пошли ли местные военные на подобную коммерциализацию, не сохранилось.

В начале 1922 г. значительная часть детей из приемников была отправлена по уездам либо взята на содержание отдельными организациями. В частности, 200 детей передано на продовольственное снабжение частям Ярославского гарнизона. К марту 1922 г. мелкие воинские формирования приняли на свое полное иждивение до 60 детей. Всего по линии Военпомгола было организовано постоянное питание 275 детей [29].

Третьим видом деятельности военного помгола стала агитационная работа, которая проходила по двум направлениям. В первую очередь агитация была направлена на самих красноармейцев, сводясь к разъяснению причин экономических потрясений. С другой стороны, она подразумевала воздействие личного состава РККА на крестьянское население. В последнем случае главной целью являлась пропаганда сдачи денег и продуктов в пользу голодающих, а также разъяснение ключевых положений нэпа.

Основанием для старта агитационной работы в военных частях стало циркулярное распоряжение ПУОКРа (Политическое военное управление округа) от 3 августа 1921 г. № 12009 «О создании комиссии по проведению Агитационной кампании в помощь голодающему Поволжью» [23, л. 19]. В соответствии с ним было решено мобилизовать в агитаторы сроком до 3-х недель группу из 16 политработников Яргубвоенкомата. Назначенные товарищи были проинструктированы об особой важности предстоящей работы, а также о военной и партийной ответственности в случае ее саботажа. Во избежание бюрократических препон каждой партийной ячейке вменялось в обязанность известить местный райком о мобилизации соответствующих граждан, считая их находящимися в «служебной командировке» [23, л. 21]. Дальнейшая работа военных агитаторов проходила в рамках Губпомгола и в основном сводилась к организации митингов и выступлению с докладами на различных предприятиях и в учреждениях.

Достаточно яркое воспоминание о деятельности агитаторов оставил в своем дневнике один из сотрудников редакции «Творческих дней»: «А вечером был на еще одном митинге, у товарищей красноармейцев стрелкового полка. Красноармейцы постановили отчислить в помощь голодающим полный дневной паек полка, месячный оклад жалованья, получить завтра же

наряд на работу, заработок с которого тоже передать в пользу голодающих. Потом еще подумали и решили устроить платный спектакль, чтобы собрать деньги для голодающих же. Под конец митинга выступил худенький солдатик, раненый в бою против контрреволюции, и сказал он: «Товарищи революционные красноармейцы! Нам на субботниках хлеб хороший дают. Переживем без этого хлеба, подадим руку помощи голодным!» – «Подадим», – сказал полк» [11, с. 95–96].

Помимо представителей агиткомиссии в отдельных учреждениях военного ведомства, начиная с осени 1921 г. действовали агиттройки. В их состав входили: военком части (либо политрук в случае отсутствия военкома) в качестве главы, секретарь партиячейки, а также представитель от красноармейцев. Тройка должна была вести работу под наблюдением и руководством Комиссии помгола при политсекретариате Яргубвоенкомата, предоставляя последней письменные доклады 1-го, 10-го, 20-го и 30-го числа каждого месяца. В обязанности тройки входили: 1) агитационная работа среди красноармейцев; 2) агитационная работа среди крестьян и «граждан вообще»; 3) подготовка к «неделе корреспонденции красноармейца»; 4) проведение «всевозможных пожертвований и сборов» среди красноармейцев и граждан [23, л. 22]. В свою очередь, агитработа троек в красноармейской среде заключалась в организации докладов на заседаниях ячеек РКП, а также выступлениях перед просмотром спектаклей или кинокартин. При отсутствии своих докладчиков тройке полагалось сделать заблаговременный запрос в агиткомиссию об их присылке. Проводить агитацию тройки должны были «осторожно, с особым подходом».

На практике агиттройки были созданы далеко не везде. Так, в сентябре 1921 г. Яргубвоенкоматом было получено донесение об отсутствии подобной структуры в гарнизоне г. Любима [23, л. 55]. Случилось это в силу малочисленности расположенной в городе роты особого назначения – 20 чел. (однако «налицо 5–6»), а также из-за наличия при местном уездном комитете РКП(б) особой комиссии, курировавшей агитационные вопросы. В то же время среди военных Любимского УВК на тот момент значился всего лишь один коммунист – местный военком. В другом случае при Ярославском военном госпитале также отказались от создания агит-тройки. Здесь основной объем агитационной работы был возложен на действовавшую при госпитале комиссию помгола.

Сохранился первый протокол заседания агиттройки Яргубвоенкомата (15 сентября 1921 г.), который в определенной степени характеризует подход к пропаганде помгола в воинских частях [34, л. 1–2]. Так, в числе постановлений первого заседания тройки значилось: 1) провести 2 субботника 23 и 30 сентября; 2) провести митинг с переменным составом

по вопросам помощи голодающим; 3) на предстоящем собрании предложить красноармейцам пожертвовать 30 фунтов «экономической соли» из цейхгауза в пользу голодающих. В случае отказа красноармейцев предлагалось уже директивно пожертвовать 20 фунтов.

Наиболее яркими агитационными событиями осени 1921 г. стали «День помощи голодающим», проводившийся 11 сентября, а также «Неделя помощи голодающим», организованная в масштабах Ярославской губернии с 23 по 30 октября 1921 г. К организации последней были привлечены советские и партийные учреждения, местный культпросвет, а также военные (в соответствии с приказами МВО № 981, 1004 и 1270).

В основном «Неделя помощи» сводилась к устройству платных концертов и спектаклей, сопровождаемых кружечным сбором. Важная роль отводилась распространению листовок, плакатов и агитлитературы. При этом каждый день «Недели» был посвящен определенному направлению агитработы. В частности, первые 2 дня – 23 и 24 октября были направлены на широкую агитацию среди деревенского и городского населения губернии. В эти дни военным агитаторам предлагалось проявить максимум активности, устраивая митинги, собрания, концерты, и прочие «культурные и просветительные выступления». 25 и 26 октября посвящались кружечному, повозочному и подомовому добровольным сборам, во время которых осуществлялась продажа и обмен на продовольствие товары билетов лотереи помгола. Пятый и шестой дни кампании посвящались агитации с привлечением сотрудников ВСЕРАБИСа (Всероссийский союз работников искусств). Завершающие дни помощи – 29 и 30 октября – отводились под субботники. В эти же дни планировалось «повсеместное» устройство вечеров, концертов и спектаклей воинскими частями и рабочими клубами [35].

По итогам «Дня помощи голодающим» в Ярославле было собрано 16 600 000 руб., 313 пудов хлеба и картофеля [10, с. 29]. В ходе «Недели помощи» (а также начала ноября) Яргубвоенпомголом были получены: 52 пуда 10 фунтов хлебных продуктов, 211 пудов 14 фунтов картофеля, 3 пуда 3 фунта «другого продовольствия» и 45 аршин мануфактуры. За этот же период ярославскими частями РККА в счет помощи детям было пожертвовано 15 026 738 руб. [36]. Всего за октябрь 1921 г. в частях МВО было собрано около 8 000 пудов продовольствия в пользу голодающих [37].

Параллельно с работой комиссии и троек была развернута широкая почтовая агитация населения посредством рассылки красноармейских писем на родину. Наиболее активно она была организована во время «недели корреспонденции», проведенной осенью 1921 г. Рассылка в основном содержала уже указанные выше

вопросы: необходимость срочной помощи голодающим и разъяснение сути нэпа. Письменная агитация красноармейцами своих родных в деревне обозначалась ПУОКРом как «важнейший и практически целесообразный метод агитации и пропаганды» [23, л. 22 об.].

Вклад военных в борьбу с голодом – один из интересных эпизодов советской истории, требующий дальнейшего изучения. Деятельность Красной Армии в направлении помгола воплотила в себе организационно-бюрократические реалии начала 1920-х гг., стала отражением социальных процессов, происходивших в стране. Несмотря на скудную информацию, можно сделать вывод о достаточно активном участии военных Ярославской губернии в оказании помощи голодающим. Говоря об итогах этой помощи, можно прибегнуть к оценке, данной военкором «Творческих дней» Н. Листковым: «Красная Армия, в частности Ярославский гарнизон, выполнили свою задачу; красноармейцы Ярославской губернии занимают первое место в помощи голодному Поволжью среди частей М. В. О.» [38].

В течение второй половины 1922 г. началось постепенное свертывание помощи голодающим, обусловленное улучшением продовольственной обстановки в стране. Данный процесс затронул и РККА. 15 августа 1922 г. пленум Комиссии помгола при МВО постановил постепенно уменьшать красноармейские отчисления [39, л. 1–1 об.]. С осени 1922 г. был дан старт реэвакуации детей, содержащихся по линии военного ведомства. Часть средств, предназначавшихся ранее детям, отныне полагалось использовать на нужды инвалидов Первой мировой и Гражданской войн. Многочисленные калеки, выброшенные в силу социально-экономических потрясений на обочину жизни, являли собой еще одну тяжелую, но характерную приметку эпохи.

Список литературы

1. Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг. : происхождение, особенности, последствия : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2010. 42 с.
2. Зима В. Ф. Продовольственная проблема в СССР на первом этапе Новой экономической политики в 1921–1925 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 3 (51). С. 38–51.
3. Бондаренко Т. Ю. Борец с голодом 1920-х годов в Саратовской губернии (из биографии С. А. Бирмана) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4 (53). С. 128–133.
4. Виноградов С. В. Голод 1921 года в Поволжье : причины, масштабы, последствия // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 12–21.
5. Помогалова О. И. Медицинская помощь иностранных благотворительных организаций в период голода в Поволжье в 1921–1922 годах (на примере Саратовской губернии и Области немцев Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 87–91.
6. Циденков Г. Г. Профессиональный состав эвакуированных лиц из голодающих губерний Поволжья в город Иркутск в 1921–1922 гг. // Тринадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения : материалы : в 2 т. Т. 2 / науч. ред. Ю. А. Зуляр. Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. С. 137–142.
7. Амлеев Р. А. Отражение в материалах ростовской печати кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 4 (196). С. 28–32.
8. Курдяшев М. С. Голод начала 1920-х годов в Бузулукском уезде Самарской губернии в воспоминаниях очевидцев // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сборник статей Международной научно-практической конференции : в 2 т. / науч. ред. С. В. Любтчанковский. Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. Т. 1. С. 216–219.
9. Репинецкий А. И. Практики выживания населения Поволжья в условиях голода 1921–1922 гг. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России : история и современность : материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 марта 2019 г.) / отв. ред. В. А. Веремко. СПб. : Ленинградский государственный университет (ЛГУ) им. А. С. Пушкина, 2019. Т. 1. С. 248–253.
10. Шевяков С. П. Помощь рабочим и крестьян Ярославской губернии трудящимся районов Поволжья, пострадавшим от засухи 1921 года // Сборник студенческих научных работ. Вып. 2. История, литература, язык / под ред. П. Г. Андреева. Ярославль : Ярославский государственный педагогический институт имени К. Д. Ушинского, 1958. С. 21–43.
11. Биография края моего [Лит.-докум. летопись] / сост. В. Ф. Московкин. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1967. 559 с.
12. Очерки истории Ярославской организации КПСС (1883–1937). / В. И. Андрианов, Б. Д. Альтшуллер, В. Т. Анисков [и др.]. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1985. 319 с.
13. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / А. М. Пономарев, В. М. Марасанова, В. П. Федюк, К. И. Юрчик, Ю. Ю. Иерусалимский, Н. П. Рязанцев, А. М. Селиванов, Ю. Г. Салова ; отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль : Ярославский государственный университет, 1999. 368 с.
14. О расширении границ Ярославской губернии // Творческие дни. 1921. 9 сент.
15. По разрушенным местам // Северный рабочий. 1928. 21 июля.
16. Данилов А. Ю. Гражданская война в Ярославском крае // Страницы военной истории Ярославии : сборник / под ред. В. М. Марасановой. Ярославль : Индиго, 2013. С. 101–134.

17. Государственный архив Ярославской области (далее. – ГАЯО). Ф. Р-1431 (Ярославский губисполком). Оп. 1. Д. 113.
18. Расхищение картофеля // Творческие дни. 1921. 12 авг.
19. Центр документации новейшей истории (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 1 (Ярославский губком ВКП(б)). Оп. 27. Д. 596.
20. Комитет помощи голодающим // Известия Яргубисполкома. 1921. 6 июля.
21. Всем гражданам РСФСР. // Известия Яргубисполкома. 1921. 13 июля.
22. *Новохатный И.* Ярославль – голодающему Поволжью // Творческие дни. 1921. 23 окт.
23. ГАЯО. Ф. Р-1842 (Ярославский губвоенкомат). Оп. 1. Д. 24.
24. Голодающим // Творческие дни. 1921. 6 авг.
25. *Шапурин.* Пример тов. красноармейцев // Творческие дни. 1921. 7 авг.
26. *Прок. И.* Голод и бутерброды // Творческие дни. 1921. 30 авг.
27. ГАЯО. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 93.
28. *Хатаевич Э.* Надо обратить внимание // Творческие дни. 1921. 1 сент.
29. *Степанов В.* Красная Армия – голодающему Поволжью // Творческие дни. 1922. 7 марта.
30. *Ивин Г.* Ни минуты промедленья // Творческие дни. 1922. 2 янв.
31. Работа детской подкомиссии // Творческие дни. 1922. 7 янв.
32. *Мартьянов.* В приемнике голодающих // Творческие дни. 1921. 10 нояб.
33. *Степанов В.* Детский дом – источник помощи красноармейцу // Творческие дни. 1922. 25 марта.
34. ГАЯО. Ф. Р-1842. Оп. 7. Д. 26.
35. На помощь Понизовью. Порядок проведения недели помощи голодающим // Творческие дни. 1921 г. 18 окт.
36. Красноармейцы голодающему Поволжью // Творческие дни. 1921. 15 нояб.
37. Красная армия голодающим // Творческие дни. 1921. 25 нояб.
38. *Листков Н.* Равняйтесь по Красной Армии // Творческие дни. 1922 г. 6 апр.
39. ГАЯО. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 433.

Поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 13.03.2022; принята к публикации 12.04.2022
The article was submitted 22.02.2022; approved after reviewing 13.03.2022; accepted for publication 12.04.2022